ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

«ЭНДЕМИЧНОСТЬ» КОРРУПЦИИ ДЛЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

БОРИС МАРТЫНОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье анализируются причины и рассматриваются особенности коррупционных явлений в странах Латинской Америки в период 2013 – 2016 годов, включая наиболее громкие случаи коррупции в их политическом руководстве. Автор обозначает наметившуюся опасную тенденцию сращивания политиков-коррупционеров с бандами организованной криминальной преступности, которая уже имеет место в ряде стран: в Мексике, Бразилии, Колумбии, Венесуэле и некоторых государствах Центральной Америки, усматривая особую опасность в том, что дальнейшая конвергенция коррупции и криминала способствует трансформации этих банд в террористические структуры. Автор не соглашается с мыслью некоторых западных авторов (Л. Кокрофт, П. Хаким и другие) об особой «эндемичности» коррупции латиноамериканских стран, считая её интернациональным явлением. Однако он полагает, что оно приобретает в странах региона особое преломление: историческую, социально-экономическую и цивилизационно-культурную специфику, не учитывать которую – значит проиграть борьбу с коррупцией. Историческая практика этой борьбы, в том числе и в странах Латинской Америки, доказала бесперспективность любой «кампанейщины» и контрпродуктивность конъюнктурных подходов. Автор показывает, что конвергентный характер современной организованной преступности и коррупции требует терпеливых и конвергентных способов и методов борьбы с ними, наличия стратегий, в основу которых были бы положены комплексные подходы. Особое значение для так называемых полиактивных культур (к числу которых относятся и россияне) может иметь наряду с ликвидацией резких социально-экономических диспропорций и совершенствованием методов государственного управления создание в обществе атмосферы неприятия коррупции и нетерпимости ко всем её проявлениям. Центральное место здесь должно принадлежать вопросам культурной и образовательной политики, воспитанию молодёжи в духе сознательного и категорического отказа от самой «культуры коррупции».

Ключевые слова:

криминализация власти; бытовая коррупция; организованная преступность; национальная культура; наркобизнес; борьба с коррупцией; Латинская Америка.

В мире найдется не так много стран, в которых проблема коррупции не рассматривалась бы в качестве реальной угрозы национальной безопасности и потому требующей постоянного внимания. В 2013–2017 годах бесспорными чемпионами по коррупционным скандалам, обошедшим все мировые СМИ, стали страны Латинской Америки. Проблемы в этой области пагуб-

но отразились на судьбах многих глав государств этого региона, заметно повлияли на их внутреннюю и внешнюю политику, сказались на темпах их экономического и социально-политического развития. Коррупционная проблема одинаково коснулась самых разных государств Латинской Америки, независимо от их политических режимов, уклада национального хозяйства,

этнических, культурных и других особенностей. По мнению руководителя Департамента Америк неправительственной организации *Transparency International* Алехандро Саласа, «борьба с коррупцией была и остаётся самой важной темой для всех без исключения латиноамериканцев»¹.

В 2016 г. согласно данным той же *Transparency International* безусловным лидером по уровню восприятия коррупции в Латинской Америке стала Венесуэла (167-я позиция из 174 — первое место в рейтинге соответствует наименьшей коррумпированности), лишь немногим опередившая наиболее коррумпированное государство в мире — Сомали. Наиболее успешные из стран региона — Чили и Уругвай — делят в индексе неправительственной организации 21-е место. Остальные страны региона заняли позиции в середине или ближе к концу рейтинга². Даже если оставить в стороне сомнения в объективности данных, используемых составителями индекса, следует признать, что разработанный инструмент не отражает всей полноты картины. В Латинской Америке криминализация в «верхах» представляет гораздо более распространённое явление, чем бытовая коррупция. К тому же индекс не показывает тесную связь, установившуюся в некоторых странах этого региона между коррупцией, с одной стороны, и наркоторговлей, зашкаливающим уровнем криминальной преступности — с другой.

Как продемонстрировало исследование агентства «Латинобарометро» (Чили), в конце 2015 г. среди проблем, волновавших население региона, 23% опрошенных называли преступность, 16% — безработицу, 8% — экономическую ситуацию и 7% — коррупцию³. Потери от последней в том же году достигли 143 млрд долларов, что составляло около 3% ВВП всего региона⁴.

По данным Всемирного экономического форума, в развивающихся странах коррупция на 19% удорожает ведение бизнеса и на 25% — заключение контрактов, а перенос производства в государства с более высоким уровнем коррупции приравнивается к дополнительному налогу в одну пятую дохода⁵.

Моральные и этические последствия коррумпированности государства и общества, а также степень её воздействия на разгул наркотрафика и преступности вообще не поддаются учёту. От этого явления страдает *правосознание* людей, в первую очередь молодых, готовых брать пример со старших, задавая себе один и тот же сакраментальный вопрос: «Если это позволено им, то почему не может быть позволено и мне?» *Массовость коррупции* — вот что делает её особенно опасной, обуславливая периодические масштабные кризисы, в основе которых лежит *комплекс вседозволенности*.

Коррупционные скандалы превратились в важную часть политического ангажемента в самых разных государствах Латинской Америки, однако призывы радикально покончить с ней, периодически раздававшиеся на самых верхах, часто служили для того, чтобы отвлечь внимание от криминальной активности самих инициаторов такой борьбы. Примеров этому в новейшей истории стран региона — великое множество. В частности, в 1960–1970-х годах военные не раз свергали гражданские правительства, обвиняя их в коррупции и nepотизме. Отсюда всё ещё бытующая ностальгия по «сильной руке», несмотря на чудовищные преступления против личности, совершённые в годы пребывания генералов у власти. Наибольший вред коррупция наносит *демократическим устоям* общества, о чём свидетельствует пример крупнейшей латиноамериканской страны — Бразилии.

¹ Corrupción, un pesado lastre para América Latina. El Tiempo. Bogotá, 14.05.2016.

² Transparency International Corruption Perceptions Index 2016. Berlin, 2017. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016

³ Latinobarómetro 2015. Santiago de Chile 2016. P. 40.

⁴ Corrupción, un pesado lastre para América Latina. El Tiempo. Bogotá, 14.05.2016.

⁵ Macera D. ¿Cuál es el costo de la corrupción en el Perú? El Comercio. 21.06.2015. URL: <http://elcomercio.pe/politica/actualidad/cual-costos-corruccion-peru-informe-noticia-1820300>

1

Импичмент демократически избранного президента Фернандо Коллора в 1992 году, по мнению британского исследователя Л. Кокрофта, «отбросил Бразилию, которая только что покончила с 25-летним правлением военных, обратно к эпохе политической непредсказуемости, существовавшей до военного переворота 1964 года» [Cockcroft 2014: 13]. Весьма показательно, что в ходе избирательной кампании Ф. Коллор позиционировал себя как борца с незаконными привилегиями (*mordomias*) и коррупцией чиновников, обещая в случае избрания покончить с ними «одним выстрелом».

Отставка руководителя страны посеяла сомнения в том, что демократическое государство способно радикально очиститься от коррупции. Они лишь укрепились после потрясшего страну в 2005 г. нового крупного скандала, когда по обвинению в подкупе депутатов Национального конгресса были отрешены от власти и подвергнуты уголовному преследованию ближайшие соратники тогдашнего президента Л. Инасиу Лулы да Силва по Партии трудящихся (ПТ). Оказалось, что иммунитетом против коррупции не обладал не только откровенно правый мультимиллионер Ф. Коллор, перестраивавший национальное хозяйство по неolibеральным канонам, но и выступавшие за «народную» экономику и «интересы обездоленных» деятели, некоторые из которых в молодости даже участвовали в партизанских движениях. *Коррупция, таким образом, ещё раз продемонстрировала свой надклассовый характер.*

Результатом сдвигов, произошедших в социальной психологии бразильцев, стала их неуверенность в способности демократических правительств следовать курсу на социальную справедливость. В 2013–2015 гг. в крупнейших мегаполисах страны прошли массовые манифестации, связанные с теперь уже новым коррупционным скандалом. Одни демонстранты требовали импичмента преемницы Лулы да Силва

на президентском посту — Дилмы Руссефф (её обвиняли в переводе средств, незаконно полученных от крупных корпораций, на свои предвыборные кампании), другие (правда, их было меньшинство) требовали немедленно передать власть в руки военных (!).

В октябре 2015 г. Верховный Суд Бразилии начал разбирательство в связи с обвинениями, выдвинутыми против Д. Руссефф, которое закончилось её отстранением от власти в августе 2016 года⁶. Между тем антикоррупционная эпопея на этом далеко не закончилась. В июне 2017 г. федеральный прокурор Родригу Жано выдвинул обвинения во взяточничестве теперь уже против бывшего вице-президента Мишела Темера, который сменил Д. Руссефф на президентском посту. Характерная деталь — новый лидер тоже в своё время обещал покончить с мздоимством в стране. После того как практически вся политическая элита Бразилии оказалась так или иначе замешана в коррупции, эта проблема, согласно опросам общественного мнения, была признана главной угрозой национальной безопасности страны.

12 июля 2017 г. Л. Инасиу Лула да Силва был приговорён к семи годам лишения свободы по обвинению в коррупции и отмыванию денег. Генпрокуратура Бразилии сочла, что бывший суперуспешный президент стоял во главе незаконной схемы в государственно-частной нефтяной компании *Petrobras*. По версии следствия, потери от коррупции в ней составили 42 млрд бразильских реалов (12,6 млрд долларов), а сам Лула получил 3,4 млн реалов (1 млн долларов) в виде завуалированных взяток. Если бывший президент будет признан виновным судом второй инстанции по итогам хотя бы одного из четырёх возбуждённых против него процессов, он больше никогда не сможет претендовать на выборные должности.

“*Sic transit Gloria mundi?*”⁷ — Возможно. Однако сам Лула да Силва все обвинения

⁶ Обстоятельный анализ процедуры импичмента Д. Руссефф см.: [Окунева 2016].

⁷ «Так проходит мирская слава» (лат.).

против себя называет политическим преследованием. Он неоднократно заявлял о намерении выдвинуть свою кандидатуру на пост президента Бразилии на выборах, которые должны состояться в октябре 2018 г. И хотя бывший некогда «супер-успешным» президент ныне отбывает срок уголовного наказания, по данным опроса общественного мнения, проведённого социологическим центром «Datafolha», ещё в 2017 г. за него были готовы отдать свои голоса 29–31% избирателей — больше, чем за любого другого политика⁸.

Независимо от итогов избирательной кампании 2018 г. можно констатировать одно: следовавшие один за другим коррупционные скандалы, помноженные на экономические трудности (падение цен на экспортные товары), стали тормозом на пути развития крупнейшей латиноамериканской страны. Седьмая экономика мира, двигавшаяся почти без перерывов к высотам мировой экономики и политики начиная с 1930-х годов, была вынуждена взять тайм-аут. Весь вопрос в том, как долго он может продлиться. Экономические риски и опасения, связанные с политической нестабильностью, уже привели к оттоку капиталов за рубеж⁹, росту эмиграции квалифицированной рабочей силы и падению внешнеполитической активности Бразилии как в региональных (Меркосур, Унасур, СЕЛАК, ОАГ), так и в глобальных (ООН, «группа двадцати», БРИКС) объединениях. Коррупция в верхах заставила законодательную и исполнительную власти страны почти полностью переключиться на рассмотрение разного рода скандальных дел, которые регулярно поставляются им вездесущими СМИ, и максимально сократить деятельность на других направлениях.

За период, прошедший с начала 1990-х годов, в Бразилии, как и в большинстве других государств региона, консолидация

демократической формы правления стала непреложным фактом. Однако теперь на повестку дня, как никогда остро, встала проблема *качества демократии и ответственности всех управленческих структур*, улучшить которые невозможно без последовательной и целенаправленной борьбы с коррупцией и тесно связанными с ней наркоторговлей и организованной преступностью.

В период 2013–2017 гг. в стороне от коррупционных скандалов в самых высших эшелонах власти не осталось практически *ни одно* латиноамериканское правительство, не важно — левой (Аргентина, Венесуэла), умеренно-правой (Мексика, Колумбия) или центристской (Перу, Панама) ориентации. В сентябре 2015 г. импичменту подвергся президент Гватемалы Отто Перес Молина по обвинению в создании криминальной сети, отмывании денег и незаконном обогащении в период пребывания у власти. Большой урон репутации правившей в Аргентине Хустисиалистской партии нанесли обвинения, выдвинутые против президента К. Фернандес де Киршнер, а также уголовные дела, возбуждённые в отношении вице-президента Амадо Буду по поводу фальсификации документов, незаконного обогащения, злоупотребления служебным положением и нелегального ведения бизнеса. В конечном счёте они стоили правящей партии её мандата. Даже Чили, несмотря на довольно высокое положение в мировых и региональных рейтингах, подпортила свой имидж коррупционными скандалами, которые затронули известные фигуры в рядах как правящей, так и оппозиционных партий и по касательной президента страны — М. Бачелет.

В чём причины столь высокого уровня коррупции в Латинской Америке? Приблизившись к ответу на этот вопрос, можно было бы более предметно судить о пер-

⁸ Суд приговорил экс-президента Бразилии Лулу да Силва к 9,5 годам тюрьмы. ИА Regnum. 12.07.2017. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2300288.html>

⁹ По данным МВФ, объём внешних инвестиций в ВВП Бразилии в 2017 г. снизился по сравнению с 2013 г. с 22 до 17,9 % (URL: [data.trendeconomy.ru/datavewer/imf/imf_data\(world\)_economic_outlook?2kf=IMF](http://data.trendeconomy.ru/datavewer/imf/imf_data(world)_economic_outlook?2kf=IMF)).

спективах борьбы с этим явлением. Разобраться с ними важно также и потому, что Соединённые Штаты, недовольные проведением рядом стран региона, в частности Аргентиной и Бразилией, в годы пребывания там правительств «левой» ориентации суверенного курса на международной арене, активно использовали коррупционные скандалы для попыток свержения их руками внутренней оппозиции. Не исключено, что такие же методы могут быть использованы и против известного своими левыми убеждениями президента Мексики Л. Обрадора, пришедшего к власти в июне 2018 г.

2

Уже упоминавшийся Л. Кокрофт наряду с некоторыми другими исследователями считает коррупцию «эндемичной» для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (то есть присущей «от рождения»). Он не отрицает проявлений коррупции, которые периодически дают о себе знать в США, Японии и других государствах развитого мира, но рассматривает их не как правило, а, скорее, как исключение. Вместе с тем исследователь не даёт ответа на вопрос: почему для одних стран коррупция эндемична, а для других — нет [Cockroft 2014: 17]. Почётный директор общественной организации «Межамериканский диалог» Питер Хаким (США) считает, что за последние двадцать лет, несмотря на экономические успехи и сокращение бедности в Латинской Америке, борьба с коррупцией там продемонстрировала весьма скромный прогресс. Многие учёные на Западе фактически солидаризируются с Л. Кокрофтом, усматривая причину высокого уровня коррупции в странах Латинской Америки в специфике исторического и культурного развития её народов [Современная организованная преступность... 2017: 35–36].

Тезис о специфике, на наш взгляд, необычайно плодотворен. Однако он применим не только к латиноамериканцам, но и к представителям тех цивилизационно-культурных архетипов, для которых коррупция — это якобы исключение. *Лоббирование*, которое позволяет должностному лицу использовать властные полномочия в обмен на продвижение интересов определённых физических или юридических лиц, по сути дела мало чем отличается от коррупции. Данное мнение можно было бы оспорить тем, что оказание влияния носит конкурентный характер, правила игры известны, секретные платежи отсутствуют, а клиенты и субъекты независимы друг от друга, поскольку никакая группа не получает долю от прибыли, заработанной другой группой. С другой стороны, лоббирование — это легальная (прямо не запрещённая законом) форма мягкой коррупции, которая в качестве долгосрочного негативного эффекта имеет более терпимое отношение к коррупции вообще.

Несмотря на то что лоббирование по большей части вписывается в правовую максимум: «что не запрещено, то разрешено», его долгосрочные последствия бывают не менее пагубны. Американский автор Чейз Фримен, рассуждая о профессиональном упадке политиков, дипломатов и военных в США в последние годы, объясняет его тем, что они «получают посты не за знания, опыт или особые навыки, а за вклад в избирательную кампанию, политическое низкопоклонство, связь с группами интересов». В результате, отмечает он, в обществе «не вырабатывается профессионального подхода к разбору действий тех, кто получает должности и привилегии за политические услуги» [Фримен 2015].

Коррупция *интернациональна*, и это — неоспоримый факт¹⁰. «Просматривая новостные сайты или начав читать газету, вам

¹⁰ После ухода из Ирака в 2011 г. США затратили 41,6 млрд долларов на подготовку иракской армии. В декабре 2014 года, когда банды ИГИЛ подошли на расстояние менее чем 100 км от Багдада, почти не встречая сопротивления иракской армии, обнаружилось, что в её рядах числилось до 50 тыс. фиктивных солдат, средства на содержание которых осели в карманах чиновников [Аналитические доклады ИМИ 2016: 11].

вряд ли удастся не наткнуться на сообщение об очередном коррупционном скандале в той или иной точке нашей планеты», — констатировал всё тот же Л. Кокрофт [Cockroft 2014: 5]. Аргентинский исследователь Факундо Манес вообще считает, что «человек коррумпирован по своей природе: вначале он думает о собственном благе, а уже только потом принимает во внимание моральные и социальные нормы и возможность наказания за их нарушение»¹¹.

Это довольно распространённое мнение не учитывает то, что каждая нация или этнос на нашей планете имеют свою собственную культурную и историческую специфику, которая должна учитываться в комплексе с универсальными явлениями общественной жизни. Неоднократно повторяемая фраза «преступность не имеет национальности» универсальна, однако ни для кого не секрет, что она может порой расходиться с конкретными данными полицейской статистики. Если преступность и коррупция вообще интернациональны, то их исторические корни и конкретные особенности проявления — национальны. Соответственно, при выборе мер противодействия им в каждой стране или регионе следует принимать во внимание её национально-культурные характеристики.

В какой-то мере (но лишь отчасти!) можно согласиться с теми авторами, которые связывают низкий уровень коррупции в благополучных странах с их более высоким ВВП на душу населения. Джеффри Сакс, например, вслед за многими считает, что возможности нарушения закона и этических норм в целях личного обогащения — следствие социально-экономического неравенства¹². Большинство латиноамериканских обществоведов также до последнего времени были склонны связывать высокий уровень коррупции в Латинской Америке с бедностью. Тем не менее, как показал А. Салас, бытовая коррупция там

больше всего распространена как раз среди обеспеченных средних слоев и состоятельных граждан, которые предпочитают, например, дать взятку полиции за нарушение правил дорожного движения, чем тратить время на выяснение отношений¹³. Самым же главным аргументом, который подрывает тезис Дж. Сакса и сторонников чисто экономического обоснования рассматриваемого явления, выступает то, что рост ВВП на душу населения практически во всех странах Латинской Америки в период 2000–2013 гг. ознаменовался не падением, а, наоборот, зашкаливающим ростом преступности.

Свою лепту в распространение коррупции в странах Латинской Америки внесла, разумеется, история. Испанское и португальское имперское правление — централизованное и иерархическое — было крайне малоэффективно. Метрополии стремились к прямому контролю над всеми частями своих колониальных владений, однако проконсулы — вице-короли и генерал-капитаны — вынуждены были принимать решения, не дожидаясь реакции из центра (морское сообщение занимало месяцы). Наместники короны сами издавали законы, собирали налоги, распространяли христианство и командовали войсками. Таким образом, колониальная администрация с самого начала оказалась коррумпированной — любая должность имела свою цену: «Продажность чиновников приобрела универсальный характер и в большинстве случаев оставалась безнаказанной» [Политическая идентичность и политика идентичности 2012: 313–314]. Безнаказанность предопределялась отсутствием эффективного контроля со стороны общества за властью в условиях не только имперского правления, но и впоследствии, в условиях той *формальной демократии*, которая сложилась в латиноамериканских странах после приобретения независимости.

¹¹ Manes F. El cerebro corrupto// El País. Madrid, 10.06.2016.

¹² Corrupción, un pesado lastre para América Latina. El Tiempo. Bogotá, 14.05.2016.

¹³ Salas P.A. ¿Más corrupción en América Latina? Nueva Sociedad. 2015. URL: nuso.org/articulo/mas-corrupcion-en-america-latina/?page=2

Среди причин коррупции в Латинской Америке многими авторами называется общая слабость демократических государственных институтов в странах региона — продукт их исторической неукоренённости и изоморфизма (попытки копирования чужеродных моделей). Она, в частности, привела к распространению гиперпрезидентских режимов, в которых оппозиция не в состоянии контролировать исполнительную власть, законодательные органы находятся в подчинении у главы государства, а независимость судей практически сведена на нет [Ивановский 2015: 254–255]. Стремление некоторых стран региона найти свою собственную автохтонную форму демократического развития после двухсотлетнего следования по импортированному образцу (так называемый левый поворот) пока не дало значимого результата.

Скорее наоборот. Право главы государства на переизбрание неограниченное число раз сокращает возможности борьбы с коррупцией и открывает пространство для злоупотребления административным ресурсом. Среди факторов, способствующих криминализации, и пропорциональная система избрания законодательной власти по закрытым партийным спискам. Не способствует борьбе с ней и достаточно низкий авторитет представительных органов, связанный с ангажированностью многих конгрессменов. Проведённый в Мексике социологический опрос показал, что 33% респондентов считали, что законы выражают интересы власть имущих, 26% — что они служат основой произвола, и только 19% — что они способствуют справедливости, 16% — что защищают интересы общества. Крайне низка и общая политическая культура населения. Как показал всё тот же опрос, 92,8% мексиканцев не знают своей конституции, 73% считают, что правящий класс не соблюдает законов, а 66% не собираются соблюдать несправедливые, по их мнению, юридические нормы. «Невозможно анализировать феномен роста пре-

ступности без констатации того факта, что в его основе лежит коррумпированность государственных структур», — отмечалось в исследовании мексиканских специалистов [Casar 2015: 34–35].

В этих условиях показательно мнение чилийского политолога А. Вера-Гальо, который утверждал, что для борьбы с коррупцией «недостаточно одного только должного функционирования соответствующих государственных институтов», хотя значимость «учёта и контроля» в этой сфере вряд ли кто-то может оспорить. По его мнению, «главным вызовом здесь является необходимость *смены культурной мотивационной и поведенческой матрицы* (курсив наш. — Б. М.), которая возможна только в результате привития людям соответствующих взглядов на мир уже со школьной скамьи»¹⁴.

З

Специалисты по этике ведения бизнеса частично приоткрывают завесу над общими для некоторых народов *культурно-психологическими* корнями не только деловой активности, но и тесно связанной с ней культурой коррупции. «Обычай дачи взяток является вполне приемлемым, учитывая традиционную испанскую готовность помочь имеющему меньшие шансы на успех и историческую традицию подношения дани у ацтеков, — пишет об истоках коррупции в Мексике Р. Льюис, — Дилемма для иностранцев не в том, платить взятку или нет, а в её размере. Мексиканцы знают предполагаемые цены, и было бы благоразумно сначала проконсультироваться с ними по этому вопросу» [Льюис 2013: 576].

Внесение личностных мотивов в деловую среду действительно может предполагать возникновение некоей не имеющей прямого отношения к последней «гаммы чувств». Отношение к коррупции людей, принадлежащих к интуитивно-чувственному, полиактивному психологическому типу (Карл Густав Юнг), а это, напомним: русские, латиноамериканцы, арабы и на-

¹⁴ [http:// www.infolatam.com/2013/07/10/argentina-e-mexico-los-mas-corruptos/](http://www.infolatam.com/2013/07/10/argentina-e-mexico-los-mas-corruptos/)

роды Южной и Восточной Европы, закономерно отличается от отношения к ней, например, скандинавов или англосаксов. Вот что пишет об этом российская исследователь А.В. Сергеева: «Чувственное восприятие жизни русских объясняет, почему в них больше восточной иррациональности, чем западной рациональности, откуда идёт их особая *страстность*. Эмоции у них чаще *преобладают* над разумом, а страсти — над материальными интересами» [Сергеева 2005: 136]. В то же время специалист отмечает, что «в литературе существуют многочисленные свидетельства “щедрости” русских, которая поражает западных людей» [Сергеева 2005: 175]. Не аналогичное ли качество и имел в виду Р. Льюис, когда говорил об «испанской готовности помочь имеющему меньшие шансы на успех»?

Любой личностный акцент в социальных практиках предельно диффузен, а потому и малопредсказуем. В ряде случаев государство как бы самоустраняется от проблемы, действуя зачастую по формуле «так было всегда, так будет и впредь», а окружающие иногда просто *не готовы* к неприятию коррупции, рассматривая нежелание давать взятку как скарденность, ханжество, «неумение жить», что особенно характерно для бытовой коррупции. По данным Института социологии РАН, третья часть опрошенных в России в 2011 г. отмечала падение морали как одну из ключевых потерь в результате реформ, уступающую лишь снижению уровня жизни населения, «однако добрая половина призналась в терпимом отношении к обману ради корыстных целей, более трети — к взяткам». Согласно этим же данным, к людям с «низким моральным статусом» относилось более трети молодёжи в возрасте 18–25 лет [Политическая идентичность и политика идентичности 2012: 247]. Мы можем быть кем угодно: предпринимателями, простыми гражданами, студентами, спортсменами и пр., но при этом мы обязаны постоянно воспринимать себя в качестве жертв чьих-то коррупционных схем. Но если мы годами пассивно воспринимаем коррупцию чиновников, полити-

ков и бизнесменов, связанных с коррумпированной властью, не значит ли это, что безразличие и пассивность есть важная составная часть той же самой проблемы? В этом смысле ни для россиян, ни для латиноамериканцев не должно существовать сомнения в том, *что начинать борьбу с коррупцией в полиактивных средах следует, предварительно изучив и приняв во внимание их исторические, психологические и этнокультурные характеристики*.

Такого внимания, на наш взгляд, заслуживает оценка поведения полицентричного человека в условиях современной гиперактивной среды профессорами Университета Гвадалахары (Мексика) Франсиско Родригесом и Мартой Перес Гонсалес. «Ускоренный темп жизни общества постмодерна, — считают они, — создаёт дополнительные факторы риска, которые воздействуют на психическое и физическое состояние индивидуума, до предела хаотизируя каналы его социализации (семья, школа, работа, друзья и пр.). Индивидуум при этом лишается иммунитета для противодействия возникающим проблемам» [Seguridad ciudadana 2016: 396, 430]. Обратной стороной этого изменения они называют *феномен бесконечного повышения ожиданий*, распространённый среди тех, кто, погнавшись за материальным началом, полностью заместил им духовное, в том числе и оставшиеся моральные ограничители.

«Экономический логос, закладываемый в основу неолиберальной модели, легализует аморальность, поскольку преступность и коррупция в этом контексте начинают рассматриваться всего лишь как часть борьбы за выживание. Идеология, постулирующая примат эффективности над моралью, не препятствует, а, наоборот, содействует преступности», — пишет испанский экономист Роберто Веласко [Velasco 2012: 59]. В этом, весьма радикальном, на наш взгляд, заявлении всё же присутствует рациональное зерно. Речь здесь идёт о мягком *изменении отношения* к коррупционерам в контексте культа экономического успеха, когда подспудно действуют лозунги: «воруй, но не попадайся» и «победителей не судят».

С приведёнными выше выводами мексиканских специалистов согласны и многие отечественные авторы: «На месте относительно чётко стратифицированных исторических общностей, сохраняющих устойчивое единообразие жизни, взглядов, целей и ценностей, возникло изменчивое общество модерна, которое описывается сквозь призму концептов «гибридной», множественной, смешанной, плавающей идентичности, теорий социальных слоев, общества потребления, информационного и даже постматериального общества с весьма размытыми и условными механизмами идентичности. Последствия для психологии и, соответственно, — для *правосознания* (курсив наш. — Б. М.) людей, которые в одночасье утратили идентичность, а взамен получили нечто «размытое», очевидны» [Политическая идентичность и политика идентичности 2012: 313–314].

Повышенная опасность коррупции, отличающая её от многих других преступлений, состоит в том, что её «зона риска» не ограничена *пространственно*. С ней (как на бытовом уровне, так и в более крупных формах) каждый может столкнуться в любом месте и в любое время. Индивидуальный *риск* в этом случае размыт, ибо изначальный вызов коррупции мало ощутим и, как правило, замаскирован под непосредственный практический (или даже «моральный»!) интерес. На начальном этапе такого рода преступления не связаны напрямую с угрозой жизни и безопасности совершающего его индивидуума или группы лиц. Не отождествляется оно непосредственно и с угрозой безопасности государства (*тем более* если это государство большое и богатое). Угроза, существующая в фоновом режиме, зачастую не воспринимается человеком (особенно — наделённым властью) в качестве фактора риска в принципе.

Иррациональное начало в человеческой природе (желание рисковать и повышать степень риска, зависть, алчность, стремление выделиться) часто толкает на путь коррупции далеко не бедных, а зачастую даже сверхобеспеченных людей. При этом, во-

преки мнению тех, кто считает ужесточение преследования за это преступление единственным средством борьбы с ним, никакое, даже самое жестокое наказание (как свидетельствует опыт Китая и некоторых других стран), не способно оградить человека от пагубной зависимости.

Дополнительную угрозу сегодня порождает процесс сращивания коррупции, наркотрафика и организованной преступности, который угрожает практически всем латиноамериканским странам. Симбиоз этих видов криминальной активности ведёт к созданию транснациональных преступных конгломератов в Мексике, Колумбии, Бразилии и Аргентине, которые уже пытаются оспаривать властные полномочия государства. Тем самым они приобретают качества новых *террористических структур* (если следовать формуле: «терроризм — уголовное преступление в сфере политики»). Эта тема уже поднималась в ряде публикаций [Martynov, Moloeznik 2017].

Стратегической целью криминальной триады: *коррупция — организованная преступность — терроризм* — выступает отмыwanie денег и создание «серых зон» в экономике. Причём коррупция чиновников и правоохранителей играет здесь ведущую роль. Если первоначально наркотический бизнес выступал основным источником коррупции в основном в наркопроизводящих андских странах (Колумбия, Перу, Боливия), то с транснационализацией организованной преступности всё более коррумпированными становятся государства транзита наркотиков (в первую очередь Мексика и страны Центральной Америки, а вслед за ними — Аргентина и Бразилия). По мере того как эта преступная триада захватывает всё новые и новые ареалы, государство в лице своих правоохранительных органов отстывает, создавая почву для возникновения таких же «серых зон» и в политике.

* * *

Коррупция, как и криминальная преступность, существовала всегда, и поэтому

вряд ли когда-нибудь она может быть полностью искоренена. Вместе с тем уменьшение её масштабов до минимально допустимых параметров, когда она не представляла бы угрозы для безопасности личности, общества и государства, как показывает практика некоторых стран, вполне достижимо. Однако это возможно лишь при комплексном подходе к борьбе с ней. В условиях, когда научно-технический прогресс идёт вперед «семимильными шагами», трудно рассчитывать на то, что коррупционеры не обзаведутся такими же, если не более совершенными, средствами борьбы с правоохранителями, не прибегнут к каким-то новым общественным инициативам, кибернетическим, информационным и прочим ресурсам, чтобы гарантировать себе безбедную жизнь. В тех странах, где уровень коррупции исторически всегда был выше, чем в других, приоритетное значение приобретает изменение *общественно-политического, психологического и культурного окружения индивида*, ибо трудно искоренить коррупцию там, где она считается нормальным явлением, а подчас даже своеобразной «модой», и где ни взяточники, ни взяточдатели не испытывают ника-

ких угрызений совести.

Сглаживание социальных контрастов, свободные СМИ и неправительственные организации, социальные сети и независимый суд, антикоррупционные отделы в полиции и конфискация имущества коррупционеров — это ли не есть искомая формула успеха в борьбе с коррупцией? И да, и нет. Коррупция сложна и многолика: успешный опыт одной страны может не сработать в другой. Любое из вышеперечисленных сильнодействующих средств может оказаться «палкой о двух концах»: ведь, как показывает опыт Латинской Америки и ряда других стран, не всякая мобилизация масс на борьбу с коррупцией действительно преследует заявленную цель. Коррупция мимикрирует, каждый случай требует *особого* разбирательства, но это не значит, что в борьбе с ней не может быть общих правил. Главное же, на наш взгляд, заключается в том, что искоренение *культуры коррупции* требует создания в обществе атмосферы *нетерпимости* к ней, что невозможно без целенаправленного и последовательного воспитания *общей культуры* людей. Но это уже другая, не менее, а, скорее, более крупная тема.

Список литературы

- Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1(45). М.: МГИМО МИД России, 2016. 45 с.
- Ивановский З.В. Тенденции политического развития в начале XXI века // Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛАРАН, 2015. С. 246–265.
- Льюис Р. Столкновение культур. М.: Иванов и Фербер, 2013. 630 с.
- Окунева Л.С. Импичмент президента Бразилии: как это было // Латинская Америка. 2016. №8. С. 28–42.
- Организованная преступность в странах Латинской Америки и Карибского бассейна / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: Весь Мир, 2017. 220 с.
- Политическая идентичность и политика идентичности. Т.2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М., 2012. 377 с.
- Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Наука, 2005. 313 с.
- Фримен Ч. Дипломатия — утраченное искусство? // Россия в глобальной политике. 2015. №5. С. 63–76.
- Casar M.A. México: anatomía de la corrupción. México: CIDE-IMCO, 2015. 135 p.
- Cockcroft L. Global Corruption. Money, Power and Ethics in the Modern World. NewYork: I.B. Tauris. 2014. 266 p.
- Seguridad ciudadana. (Ed. M.-P. Moloeznik) México: Univ. de Guadalajara, 2016. 512 p.
- Velasco R. Las Cloacas de economía. Madrid, ABC, 2012. 159 p.
- Martynov B., Moloeznik M.-P. Mexico on a Criminal Traffic Scenario // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №2 (53). С.184–195.

IS CORRUPTION ENDEMIC IN LATIN AMERICA?

BORIS MARTYNOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article deals with the causes and specifics of the corruption cases, which took place in some Latin American countries in 2013 – 2016, including very scandalous ones in the highest echelons of power. The author marks a very dangerous tendency towards the cooperation between the corrupt politicians and the powerful gangs of organized criminality in such countries as Mexico, Brazil, Colombia, Venezuela and some Central American states, seeing a special danger in the fact, that a further convergence between them may transform those gangs into terrorist groups. The author does not agree with those experts (L. Cockcroft, P. Hakim, etc.), who consider corruption “endemic” for Latin America, and demonstrates that it is an international phenomenon. Nevertheless, he admits a special character of corruption in Latin America: its historic, socio-economic and cultural specifics. Their recognition is essential for successful struggle against corruption. All the history and practice of this struggle, including in the Latin American countries, has proved the inadmissibility and counter-productivity of any conjectural and precipitated approaches to it. The author proves, that a converged character of the modern organized criminality and corruption demands similarly converged methods of patient and consistent struggle with them, based on the use of complex and differentiated methods. A special significance for the poliaactive cultures (to which Russia also belongs), will acquire, along with the liquidation of economic disproportions and the sophistication of the methods of governance, creation of an atmosphere of the zero-tolerance towards corruption. An important place in this struggle will belong to the cultural and educational policies, to the bringing up of the new generations in the spirit of radical non-acceptance of the very “culture of corruption”.

Keywords:

criminalization of authorities; petty corruption; organized crime; national culture; drug cartels; struggle against corruption; Latin America.

References

- (2012). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. II. Identichnost i sotzialno-politicheskie izmeneniya v XXI veke* [Political Identity and Politics of Identity. Vol. II. Identity and Social and Political Changes in the 21st century]. Moscow. 377 p.
- (2016). *Analiticheskiye doklady IMI. Vypusk 1(45)* [Analytical Reports of the Institute of International Studies. Issue 1 (45)]. Moscow: MGIMO University, 2016. 45 p.
- (2016). *Seguridad ciudadana*. (Ed. M.-P. Moloeznik) México: Univ. de Guadalajara. 512 p.
- Casas M.A. (2015). *México: anatomía de la corrupción*. México: CIDE-IMCO. 135 p.
- Cockcroft L. (2014). *Global Corruption. Money, Power and Ethics in the Modern World*. NewYork: I.B. Tauris. 266 p.
- Freeman Ch. (2015). Diplomatiya – utrachennoe iskusstvo? [Diplomacy – the Lost Art?]. *Rossiya v globalnoy politike*. No. 5 P. 63–76.
- Ivanovski Z.W. (2015). Tendentsii politicheskogo razvitiya v nachale XXI veka [Tendencies of Political Development in the Beginning of the 21st]. In Ivanovski Z.W. (ed.) *Latinskaya Amerika: izbiratel' nye protsessy i politicheskaya panorama*. Moscow: ILA RAN. P. 246–265.
- Lewis R. (2013). *When Cultures Collide*. Moscow: Ivanov i Farber. 630 p.
- Martynov B.F. (ed.) (2017). *Organizovannaya prestupnost v stranakh Latinskoy Ameriki i Karibskogo bassejna* [Organized Crime in the countries of Latin America and the Caribbean]. Moscow: Ves' Mir. 220 p.
- Okuneva L.S. (2016). Impichment prezidenta Brazili: kak eto bylo [Impeachment of the Brazilian President: How it Happened]. *Latinskaya Amerika*. No. 8. P. 28–42.
- Sergeeva A.V. (2005). *Russkie. Stereotipy povedeniya, traditsii, mental' nost* [Russians. Patterns of Action, Traditions and Mentality]. Moscow: Nauka. 313 p.
- Velasco R. (2012). *Las Cloacas de economía*. Madrid: ABC. 159 p.
- Martynov B., Moloeznik M.-P. (2017). Mexico on a Criminal Traffic Scenario. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 2 (53). P.184–195.